

E $\frac{58}{622}$

08
622

ЧУВСТВО РУССКАГО НАРОДА
И
ИСКРЕННЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
ОСИПУ ИВАНОВИЧУ
КОМИСАРОВУ-КОСТРОМСКОМУ
ЗА СПАСЕНИЕ ЖИЗНИ
ИМПЕРАТОРА ОТЦА-ОСВОБОДИТЕЛЯ
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

4-го Апрѣля 1866 года.

Въ прозѣ и стихахъ.
Съ портретомъ Комисарова-Костромскаго.

Соч. Н. Самойлова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1866.

ЧУВСТВО РУССКАГО НАРОДА

8 58
0 622

И

ЭБ

ИСКРЕННЯЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

ОСИПУ ИВАНОВИЧУ

КОМИСАРОВУ-КОСТРОМСКОМУ

ЗА СПАСЕНИЕ ЖИЗНИ

издано в С.-Петербургѣ въ 1866 году

ИМПЕРАТОРА ОТЦА-ОСВОБОДИТЕЛЯ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

4-го Апрѣля 1866 года.

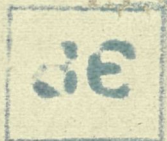
Въ прозѣ и стихахъ.

Съ портретомъ Комисарова-Костромскаго.

Соч. Н. Самойлова.

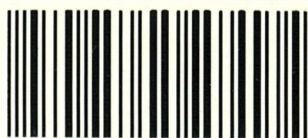
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

КОМЕСАРОВА-КОСТРОМСКОМУ

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, 16-го Апрѣля 1866 года.

2007096035

Осипъ Ивановичъ
КОМИСАРОВЪ-КОСТРОМСКОЙ.

О! Государь Благословенный
Россія молить за Тебя!

Освободитель незабвенный,

Господь да сохранить Тебя,

Господь Тебѣ сопутникъ вѣрный

Народъ защита есть Твоя. —

О! Императоръ благовѣрный!

О! Нашъ Отецъ! Твоя семья

Мы всѣ, отъ мала до велика

И рады голову свою мы положить

Не надо намъ накликать клика —

Перстомъ лишь только укажи!

Гдѣ есть враги, въ какой странѣ?

Мы всѣ пойдемъ! Враговъ разрушимъ въ пепель,

И лавры ихъ мы принесемъ къ Тебѣ

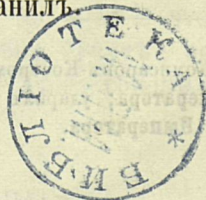
Въ подножіе Тебѣ постѣлемъ!

О Вѣрь нашъ Царь-Освободитель

Мы будемъ свято Твой тронъ хранить;

Какъ Русь Твою хранить Спаситель

Какъ жизнь Твою онъ сохранилъ.

Осипу Ивановичу
КОМИСАРОВУ—КОСТРОМСКОМУ.

Прими душевную ты преданность отъ насъ
И благодарность нѣсколькихъ милліоновъ,
За то, что ты Царя-Освободителя намъ спасъ
Отъ покушенія злодѣйскихъ заговоровъ,
Что ты въ своемъ лицѣ, душой всея Руси,
Любовь и преданность къ Монарху оказалъ.
Идя по праведной — Всевышняго стези,
На слѣдъ безсчестнаго преступника напалъ
И силой воли, посланной Творцомъ
Ты былъ спасителемъ, Великаго Царя; —
Котораго всѣ чтутъ; Освободителемъ, Отцомъ,
И безпредѣльною къ нему, любовію горя.

Благодаримъ, что ты Россіи имя
Въ исторіи народовъ оправдалъ.
Какъ Царь любимъ, какъ Имя Его чтимо;
Движеніемъ руки ты это показалъ *).

*) Комисаровъ-Костромской, увидавъ что злодѣй навелъ дуло револьвера на Императора; ударилъ его подъ локоть къ верху и пуля пролѣтела выше головы Императора.

ЧУВСТВО НАРОДА*).

Понедѣльникъ, 4-го Апрѣля 1866 года.

Въ окрестностяхъ С. Петербурга, въ одной бѣдной деревнюшкѣ; собрались ребята понедѣльничать (т. е. опохмѣляться), хотя шумъ, крикъ и говоръ разносился по вѣтхой избушкѣ; но все-таки не видно было истиннаго Русскаго задушевнаго весѣлія, которое бы отдавалось въ сердцахъ православныхъ мужичковъ; имъ было весѣло, очень весѣло, смотря по обстановкѣ увеселительныхъ веществъ..... На столѣ покрытымъ холстомъ, стоялъ штофъ водки, зажаренная телятина, творогъ, смѣтана, молоко; чего бы еще было нужно для увеселенія? Но нѣтъ! Имъ чего-то не доставало, имъ не пилоь и не ѣлось, даже водка считаясь забвеніемъ горя и лучшимъ увѣселеніемъ разгульной Русской души, едва только была начата, а до съѣтнаго никто и пальцемъ не дотронулся. Здѣсь хотя и собрались всѣ во имя пира и весѣлія, но сердца ихъ, что-то не весѣлились; водка напитокъ весѣлія не развлекалъ ихъ; словомъ, на ихъ сердцахъ лежалъ камень горести и унынія.

Въ избѣ нѣсколько минутъ было могильное молчаніе.

«Что съ тобой Ванюха? Преждѣ страхъ какъ резвый былъ, а теперича такъ и слово не вымолвишь». — Проговорилъ сквозь зубы дрожащимъ голосомъ, отецъ Ванюхи.

— Самъ не знаю батюшка! что со мною случилось? инда вотъ кошки на сердце скребуть! А кажись бы чаво намъ не доставало! Въ недѣлю шесть цѣлковыхъ заработалъ, ты живъ, здоровъ, меня любишь, деньги есть, водки штофъ цѣлый; а нѣтъ еще пошлемъ, кажись бы чаво еще надо? анъ нѣтъ! миѣ вотъ все кажится да и на! что будто я отца роднаго теряю, аль пытатъ меня будутъ; сердце вотъ такъ и скребеть, знатъ быть бѣдѣ! Такъ говорилъ Ванюха, едва удерживая слезы.

*) Передаю слышанное изъ разсказа крестьянъ.

«Полно тебѣ Ваня! Выбрось эту дурь изъ головы, ты все по Машухѣ скучаешь.

— Нѣтъ Батюшка! Скучаль я до селѣ дни, но не сегодня; кажись бы похоронилъ въ трое лучше Машухѣ и то не такъ бы грустно было, какъ теперича, да что Машуха, человекъ, умереть сгнѣтъ; Богъ съ ней! вѣстимо дѣло развѣ только по плакалъ бы, а теперича вѣдь вотъ кажись всѣ здоровы, живы, довольны, только радуйся, анъ нѣтъ; сердцѣ стонетъ, а слеза такъ и катиться.... — Последнихъ словъ Ванюха не могъ ясно выговорить, крупныя слезы покатались изъ глазъ его.

«Эхъ Ваня! Не веселѣя твоего и мнѣ! Мнѣ тоже кажется что будто я съ бѣлымъ свѣтомъ прощаюся.... Старикъ такъ же заплакалъ.

«Полно вамъ! Что вы разрюнились, закричалъ пожилой мужикъ: — «Скучно вамъ, кому же веселѣя-то? Смотри какъ всѣ носы повѣсили! — Обращаясь къ молодымъ парнямъ: — Что скучно вамъ? Такъ довай затынемъ пѣсенку! — При чемъ онъ затынулъ пѣсню «Волузияхъ», всѣ подхватили; но пѣсня на ладъ не шла; затынули другую, но другая хуже первой комкалась; третью, — третья тоже не вѣзетъ.

«Стоитѣ!» закричалъ старикъ, отецъ Ванюхи: Что мы все не путевыя пѣсни поемъ; для-то онѣ и на ладъ нейдуть, а давайка ребята: мнѣ что-то вздумалось пропѣть духовную пѣснь. Согласныль вы ребята?

Согласны дѣдъ Ѡадей! Что скажешь ты, и мы не прочь, закричали всѣ бывшія въ избѣ.

Давайтека споемъ..... О нѣтъ ребята! «не въ силахъ вымолвить, у меня что-то на сердцѣ стало съ разу вѣсѣло, какъ будто солнышко заглянуло въ душу мою.... Да мнѣ кажется и въ васъ тоже просіялъ отраднѣй лучъ.

— Да и намъ стало радостно!

«Такъ давайте же споемъ мы нарадости гимнъ про Отца Царя-Освободителя, вѣдь ни когда не случалось намъ славить его Имя Царское. Давайтека споемъ Боже Царя храни!

Боже Царя храни! Боже Царя храни! Всѣ заговорили вѣселымъ голосомъ. И вотъ понеслись звуки священнаго,

задушевнаго гимна, который былъ пѣтъ безъ умолку нѣсколько разъ.

Но вотъ раздался колокольный благовѣсть, всѣ въ одинъ моментъ умолкли, какъ будто онѣмѣли, лишь переглядывались въ недоумѣніе другъ на друга.

Дрожащей голосъ старика, прервалъ молчаніе. «Ребята слышатъ благовѣсть? Что нибудь не даромъ. Пойдемтѣ въ церковь!» — При этихъ словахъ, всѣ старухи и старики, молодцы и молодичи кинулись изъ избы и какъ вихрь бросились бѣжать въ церковь гдѣ встрѣтилъ ихъ Священникъ.

Храмъ въ одинъ мигъ наполнился народомъ, всѣ съ окрестныхъ деревень сбѣжались на благовѣсть, но не могли дать самимъ себѣ отчета, почему такъ быстро стремятся, почему сердца ихъ переполнились не изъяснимымъ восторгомъ и горестью?

Словомъ они мчались не понимая что во кругъ ихъ происходило? Еще никогда сердце Русское не осуществляло такого не объяснимаго сочувствія.

Въ Святомъ храмѣ была великая тишина; не смотря на то, что онъ былъ наполненъ множествомъ народа. Всѣ едва переводя дыханіе чего-то ожидали съ нетерпѣніемъ.

Но вотъ священный служитель Храма Божьяго, прервалъ молчаніе: «Братіе помолимся Всевышнему Творцу, о спасеніи и благоденствіи драгоцѣнной жизни **Государя** нашего **Императора Александра Николаевича!** и по благодаримъ Творца что онъ отвелъ руку святотатственнаго убійца жаждущаго пролить (столь драгоцѣннейшую для каждаго изъ насъ) кровь **Императора, Царя-Освободителя!!**»

Въ это время у всѣхъ стоявшихъ въ храмѣ ноги подкосились; всѣ упали на колѣна, и послѣднія слова Священника были заглушены громкими не поддѣльными восторженными рыданіями и возгласами теплой молитвы къ Всевышнему.

«Господи Благодаримъ Тебя, что ты непустилъ крамольникамъ свѣршать святотатственное спреступленіе!!!»

За тѣмъ началось молебствіе, во время котораго ни кто не тронулся съ мѣста, всѣ стояли какъ въ копаные, вознеся взоръ свой къ Спасителю.

Эта картина казалась святою, божественною, здѣсь не

было притворныхъ чувствъ и заученныхъ восклицаній. Нѣтъ! Здѣсь всѣ сердца, чувство каждаго слилось въ одно единое сердце, всѣ чувствовали одною душой, говорили однимъ языкомъ; молясь Творцу за спасеніе, Великаго Царя-Освободителя, Монарха!

По окончаніи молебна съ набожностію христіанина всѣ приложились къ кресту и вышли изъ храма, но не поспѣшили домой, нѣтъ! а встали на ступеняхъ паперти и съ нетерпѣніемъ ожидали выхода Священника; всѣмъ хотѣлось узнать подробно о такомъ ужасномъ событіи.

Между ними слышался говоръ.

«О! я бы отдалъ жизнь свою, еслибы только дали мнѣ, вырвать поганое сердце у этого мерзавца, который осмѣлился поднять свою мерзкую руку, на нашего Благодѣтеля, Царя-Батюшку! — Проговорилъ съ энергіей молодой парень.»

— Я изорвалъ бы его на части. Подхватилъ другой.

«Э полно вамъ болтать о злодѣе крамольникѣ, что заслужилъ то и получить, не намъ его судить, на то есть власти выше. А вы лучше подумайте да погорюйтѣ; что стало съ Царемъ, нашимъ Батюшкой, а Царица-то Матушка! Какъ она вынесла эту вѣсточку? Какъ не погорѣвать о ней, вѣдь она наша Мать родная!»

— Боже! Спаси и помилуй Царя и Царицу Матушку! Воскликнули всѣ въ одинъ голосъ; набожно перекрестясь.

Въ это время Священникъ вышелъ изъ Церкви, всѣ бросились къ нему, окруживъ стали спрашивать: «Что нашъ Царь-Батюшка? здоровъ ли онъ? здоровали наша Матушка-Царица? здоровали семейство нашего Батюшки?» Такого рода посылались вопросы со всѣхъ сторонъ; Священникъ поднялъ руку къ верху, всѣ замолчали; и Священникъ проговорилъ громогласно слѣдующее:

«Творецъ небесный не допустилъ свѣршить Святотатвеннаго преступленія; Онъ послалъ Ангела-Хранителя въ лицѣ крестьянина Костромской губерніи Осипа Ивановича Комисарова. Который увидавъ что преступникъ уже наставилъ дуло пистолета противъ державной особы Государя Императора; то Комисаровъ ударилъ подъ руку преступника и пуля пролетѣла выше головы Императора.»

Одушевленный восторгъ показался на лицахъ всѣхъ присутствующихъ и громогласное «Ура!!!» разнеслось въ воздухѣ повторяемое эхомъ. Толпа начала расходиться по домамъ и деревнямъ; при чемъ не умолкало Русское душевное «Ура!!!»

Возвратившись въ избы, помолились святымъ Иконамъ и нѣсколько разъ пропѣли гимнъ «Боже Царя Храни» и молитву «Спаси Господи люди твоя»: Тогда уже у нихъ бѣсѣда пошла живѣя и говорливѣя, стали наливать полныя стаканы и залпомъ выпивали; за здравіе Царя-Освободителя, съ громкими криками «Ура!!!»

Во всѣхъ избахъ до полуночи не потухалъ огонь и всюду были слышны громкія радушныя восклицанія.

Уже въ полночь, вся деревня собралась идти въ Петербургъ; чтобы увидѣть ясныя очи своего Царя-Освободителя, чтобы самимъ узнать о драгоценномъ здоровьи Императора и всего Августѣйшаго семейства.

Огромная толпа двинулась по шоссѣ къ Петербургу и не смотря на позднее время, продолжала славить своего Великаго Царя-Освободителя.

На другой день рано утромъ толпилось множество народа у Зимняго дворца, у подъѣзда Государя Императора, въ томъ числѣ были и деревенскія, которыя всю ночь шли безъ отдыха и не зная усталости, готовы были простоять еще нѣсколько сутокъ у дворца, чтобы только увидеть свѣтлыя очи своего отца, Царя-Освободителя. Не долго Его Императорское Величество заставилъ ждать своихъ сыновъ, не долго бились сердца народа отъ ожиданія. Его Императорское Величество вышелъ въ половинѣ девятаго, народъ встрѣтилъ его восторженными криками «Ура!» и въ каждомъ сильнѣе забилося сердце отъ радости что увидали своего Императора. Долго народъ толпился около дворца, и долго не умолкало радушное Ура! разносившіеся по воздуху.

Въ половинѣ третьяго часа, митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ, въ полномъ облаченіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ образомъ пресвятыя Богородицы Казанской, приѣхалъ къ воротамъ Лѣтнаго сада, къ мѣсту знаменитаго и горестнаго событія въ лѣтописяхъ Русской исторіи.

Вслѣдъ за его высокопреосвященствомъ, прибылъ Государь Императоръ, Государыня Императрица и все Августѣйшее ихъ семейство. Молебствіе, совершаемое на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ, среди безчисленнаго народа, сплошною шпалерою затаившаго рѣшетку Лѣтнаго сада, казалось чѣмъ-то особенно святымъ и торжественнымъ!

Народныя слезы, народныя вздохи, изъ души вырывающіеся восклицанія, еще разъ могли убѣдить Русскаго Царя, въ той глубокой любви, которую питаетъ къ Нему Россія, — къ Нему, — открывшему намъ новый путь, къ Нему, — разрыхлившему нашу государственную и общественную почву, къ Нему, — бросившему въ эту почву сѣмена добра, свободы и правды!..

Но вотъ раздался голосъ діакона: «Со умиленіемъ преклонша колѣна!» и вслѣдъ за преклонившемся Государемъ, весь народъ со слезами упалъ на колѣни.

Трудно передать какое чувство охватило въ это мгновеніе живую, молящуюся массу!..

По окончаніи молебна, діаконъ возгласилъ «многія лѣта!» Громкій кликъ народа слился съ хоромъ поющихъ пѣвчихъ, наступила торжественная минута, которая никогда не изгладится изъ памяти свидѣтелей...

Принявъ поздравленіе отъ всего царствующаго дома, Государь, сопровождаемый народомъ, возвратился во дворецъ.

Вечеромъ, во всѣхъ театрахъ, публика требовала національный гимнъ. Въ Александринскомъ театрѣ, онъ былъ повторенъ до 15 разъ.

Городъ былъ въ оба эти достопамятныя вечера освѣщенъ. Во многихъ мѣстахъ гремѣла музыка и, послушная воля народа, оглашала воздухъ звуками народнаго гимна:

«**Боже Царя храни!**»

2007096035